

А. И. Огнёв¹

УЧЕНИЕ КАНТА
О СХЕМАТИЗМЕ ПОНЯТИЙ
ЧИСТОГО РАССУДКА²

М.Г.Г.³ В наши дни, по-видимому, заканчивается период исключительно сильного влияния философии Канта. Кантианство, до самого последнего времени бывшее господствующим течением в философии, начинает постепенно уступать место другим направлениям. Естественно, что в промежуток более чем в полвека, который протек со времени возрождения критицизма в философии, выросла необозримая литература, посвященная Канту и рассматривавшая его идеи с самых разнообразных точек зрения.

Но как это ни странно, мы и до сих пор не встречаем единодушия в понимании самых основных идей основателя критической философии. До настоящего времени длится спор относительно того, как понимать его учение в целом. Конечно, такое разногласие между наиболее глубокими знатоками философии Канта имеет свое основание в трудности этой философии, в неясности и недоговоренности многих мыслей Канта. Но едва ли только эти причины являются источником бесконечных споров относительно сущности учения Канта. Скорее всего, здесь играет главную роль самая страстность спора, то обстоятельство, что многие из философов не могут стать по отношению к Канту на объективную точку зрения ввиду неразличимой сплоченности для них идей Канта с собственными убеждениями. Это прежде всего приходится сказать про одного из самых тонких и глубоких толкователей Канта — Германа Когена.

¹ О жизненном и философском пути *Александра Ивановича Огнёва* см.: *Бутина Е.А.* В кругу возвышенных идей: Александр Иванович Огнёв // *Кантовский сборник.* 2012. 1(39). С. 70–74 (послесловие к публикации).

² Публикуемый текст представляет собой текст лекции, — по всей видимости, вступительной, — прочитанной Огнёвым в Московском университете 17 октября 1915 г. В архиве протоиерея Саввы Михалевича, наследника А.И. Огнёва, сохранилось два варианта текста: рукописный со множеством исправлений и машинописный с незначительной корректурой от руки опечаток или пропущенных слов. Текст публикуется по датированной машинописи. Не замеченные автором опечатки исправлены по умолчанию. Все комментарии и ссылки на литературу принадлежат публикатору. При комментировании использован современный автору перевод «Критики чистого разума» И. Канта, выполненный Н.О. Лосским.

³ Сокр. от: «Милостивые государи».

Учение о схематизме понятий чистого рассудка, изложенное во втором отделе «Критики чистого разума» — в трансцендентальной аналитике, — сравнительно мало обращало на себя внимание исследователей кантовской философии. А между тем оно, может быть, дает решающие указания относительно того, каков был «исторический Кант» и как надо понимать подлинную его философию.

Чтобы сделать ясным значение того учения Канта, которому будет посвящена моя лекция, я скажу несколько слов относительно того, какие истолкования философии Канта предлагаются в наше время. Н.О. Лосский прав, когда говорит, что все современные философы склоняются к одному из двух основных пониманий философии Канта: к феноменалистически-психологистическому и к трансцендентально-логическому⁴. Согласно первому, традиционному, пониманию философия Канта дает всестороннее разрешение проблем мышления и бытия, поскольку такое разрешение по-сильно человеческому уму. Вот почему, по убеждению сторонников этого направления, мы находим в философии Канта и логику и теорию познания, и психологию, и метафизику — в той, по крайней мере, форме, в какой эта дисциплина представлялась осуществимой автору «Критики чистого разума».

Согласно убеждению представителей трансцендентально-логического толкования, Кант ставил себе иные задачи, и «Критика чистого разума», соответственно этому, не затрагивает проблем психологии и метафизики. Вся теория познания Канта, по убеждению Когена, есть не что иное, как «ориентирование философии в факте точной науки, в "математическом естествознании"»⁵. Самые термины Канта: трансцендентальное единство апперцепции, сознание и т.д. — не имеют психологического и метафизического смысла. Единство сознания, например, — это только единство методов точной науки, единство научного опыта. Категории — это методы и предпосылки научного исследования. Словом, теория познания Канта пре-

⁴ Точнее, Н.О. Лосский указывал на «руководящую роль в развитии философии» кантовского критицизма и полагал, что «большинство гносеологических исследований, особенно во второй половине XIX века, или принадлежит к числу разновидностей критицизма, или стремится проложить новые пути посредством преодоления критицизма». Ссылаясь на «Введение в теорию познания» А. Мессера (разреш. авт. пер. с нем. А.А. Франковского; под ред. [и с предисл.] С.О. Грузенберга; с предисл. авт. к рус. изд. СПб., 1910. С. 8 и др.), Лосский называет две разновидности критицизма: феноменалистически-психологистическое и трансцендентально-логическое. См. [3, с. 129].

⁵ Точный источник цитаты не установлен. Эта мысль в разных вариациях встречается как у Когена, так и у русских неокантовцев. См., напр., у Когена (1904): «Возможность опыта — это и есть самая первая кантовская проблема. ... Таким образом, точная наука превращается в тот факт, на который ссылается его логика и на котором основывается его философия. Факт науки и ссылка на возможность опыта — это его постоянные выражения; они указывают в нем (то есть в учении Канта. — Е.Б.) основополагающее направление» [5, S. 12]; а также у В.Э. Сеземана (1913): «Как осуществляет он (научный идеализм. — Е.Б.) в логике выставленное им самим требование ориентирования философии на точную науку? ... Прежде всего вопрос этот касается (как это было у Канта) той отрасли знания, которая, служа необходимой предпосылкой всех остальных наук, вместе с тем являет собою образец точного и объективно достоверного знания: математики и математической части физики» [4, с. 68].

вращается в таком освещении в исследование состава знания, причем безусловная ценность и истинность знания, отлившиеся в форму точной естественной науки, оказываются предрешенными. Исследованиям представителей трансцендентально-логического истолкования Канта отнюдь нельзя отказать в глубокомыслии и остроумии (особенно это приходится отметить относительно Г. Когена и [его] школы). Но едва ли философия Канта выигрывает в их освещении. Если в критицизме, понятом в традиционном смысле, есть несомненная *petitio principii*, то трансцендентально-логическое истолкование заставляет философию Канта вертеться в логическом круге⁶. В самом деле, объективность и истинность положений точных наук доказываются в этом случае тем, что в их основе лежат принципы и методы в форме априорных категорий, а значение категорий как необходимых предпосылок знания показывается из того, что на них покоится математическое естествознание.

Таковы, в самых общих чертах, существенные и непримиримые разногласия двух основных пониманий кантовской философии. Внимательное изучение идей главы «Критики чистого разума», в которой излагается учение о схематизме чистых понятий, как я уже сказал, всего более способно помочь разъяснению вопроса, какое из двух толкований философии Канта правильное.

Учение о схематизме понятий чистого рассудка является завершением так называемой трансцендентальной дедукции категорий; поэтому нам надо вкратце остановиться и на этом отделе «Критики чистого разума».

Установив свое учение о пространстве и времени как субъективных формах восприятия, не находящих себе соответствия в вещах в себе, Кант переходит во втором отделе «Критики чистого разума» к доказательству существования в нашем уме еще целого ряда априорных форм познания, имеющих, однако, в противоположность «чистым наглядным представлениям» — пространству и времени — не наглядный, а отвлеченно-рассудочный, дискурсивный характер. Наш познающий субъект в процессе познания не только облекает полученные им от вещей в себе иррациональные и чуждые духу ощущения в формы пространства и времени, но также в целом ряде независимых от чувственного опыта понятий субъект нашего познавательного процесса имеет формы, в которых он апперципирует чуждый ему материал опытных данных. Только внося в полученное от чувств свои формы созерцания и понимания, наш субъект способен познавать то, что входит в сферу его сознания, и при этом он познает этот свой объект ровно настолько, насколько участвует в его создании: мы познаем в предмете только то, что в него вложили, — так можно выразить эту мысль Канта [1, с. 13 — В XVIII].

⁶ Здесь А. И. Огнёв следует, очевидно, за своим учителем Л. М. Лопатиным, который, имея в виду, вероятно, трансцендентально-логический критицизм, полагал, что в критицизме «ставится довольно странная задача: придумать условия, при которых современное естествознание как наличный факт культуры можно было бы возвести в достоинство абсолютно достоверного знания. Если при этом иметь в виду, что эти условия вовсе не представляют из себя каких-нибудь аналитически самоочевидных истин, а наоборот, согласно первоначальной традиции Канта, в большинстве заключают явно синтетический смысл, то понятно, что в результате получается удручающий логический круг: трансцендентальные условия науки обосновывают ее достоверность, но в свою очередь сами принимаются из-за этой достоверности и ею оправдываются, так как в ней заранее убеждены» [2, с. 84 — 85].

Посмотрим, как определяет Кант сущность коренящихся в рассудке форм познания — категорий. То, что дается нашему сознанию в опыте, представляется, по Канту, во всех отношениях иррациональным, чуждым каких бы то ни было связей и отношений, делающих предмет доступным и понятным для нашей мысли. Ощущения, правда, с самого начала доходят до нашего сознания облеченными в формы пространства и времени, но они чужды тех идеальных связей, которые сообщают предмету мыслимость.

И вот категории и являются функциями нашего ума, вносящими единство в необъединенное многообразие чувственного материала. Подведенные под те или другие категории ощущения впервые делаются предметами для нашей мысли: Кант, как известно, устанавливает полный параллелизм между видами логических суждений и категориями.

Логической классификации суждений, согласно которой все суждения делятся на 4 группы в зависимости от 4 возможных принципов деления, причем в каждой из 4 групп имеется 3 вида суждений, почленно соответствует такая же классификация категорий, с 4 группами и 3 категориями в каждой группе. Кант делит суждения с точки зрения количества на общие, частные и единичные, с точки зрения качества — на утвердительные, отрицательные и бесконечные, со стороны отношения — на категорические, условные и разделительные и, наконец, по модальности — на проблематические, ассерторические и аподиктические [см.: 1, с. 70 — В 95]. Всем этим видам суждения соответствуют категории: категории количества: единства, множество, цельность; категории качества: реальность, отрицание, ограничение; категории отношения: принадлежность и самостоятельность (*substantia et accidens*), причинность и зависимость (причина и действие) и общение (взаимодействие между действующим и страдающим) и, наконец, категории модальности: возможность — невозможность, существование — несуществование, необходимость — случайность [см.: 1, с. 75 — В 106]. Соответствие категорий видам суждений Кант объясняет тем, что благодаря применению категорий к чувственному материалу, получаемому нами в ощущениях, чувственный материал впервые отливается в форму представлений о предметах, относительно которых становятся возможными суждения.

Итак, только категории сообщают нашим представлениям понятность для нашего ума, делают наши представления нашими мыслями.

Категории, как я уже сказал, вносят единство в данное в формах пространства и времени многообразие чувственного опыта. Категории устанавливают связь в пространственном сосуществовании и временной последовательности, в которой дано это многообразие; наконец, категории связывают определенным законом временную последовательность явлений и их пространственную совместимость. Имея в виду такую функцию категорий, Кант характеризует их как акты, устанавливающие единство нашей мысли, сознающей себя субъектом познания. Категории рассматриваются Кантом как функции трансцендентального единства апперцепции, единства, вносящего непрерывность и связность в контекст нашего опыта.

Подведение ощущений под категории посредствуется, по Канту, деятельностью нашего «продуктивного воображения». Продуктивное воображение охватывает в одном акте пространственное многообразие наших ощущений, воспроизводит в представлении раньше пережитые ощущения и устанавливает связь между актуальными ощущениями и раньше испытанными, узнавая в настоящем прошлое. Категории, так сказать, закрепляют эти синтезы, производимые «продуктивным воображением». Продуктивным, в противоположность другому, репродуктивному, воспроизводящему воображению, это воображение названо, конечно, потому, что благо-

даря его деятельности перед нашим сознанием впервые порождаются предметы. Нетрудно заметить основную особенность только что изложенного учения Канта.

В учении Канта обращает на себя внимание проводимое им резкое разобщение двух факторов познания: иррационального материала знания и тех идеальных связей и отношений, которые делают этот материал сообразным с требованиями разума.

Эта особенность учения Канта повлекла за собой целый ряд трудных проблем, которые Кант и пытается разрешить своим учением о схематизме чистых рассудочных понятий, или категорий.

Если данный нам материал опыта, ощущения всецело чужд всех тех определений, которые содержатся в категориях, то возникает вопрос, как возможно согласие между двумя факторами нашего знания, между нашей чувственностью, дающей многообразие ощущений, и нашим рассудком, диктующим своими категориями правила всему познаваемому.

Легко понять, например, что наш разум познает все через категорию причинности. Но почему чувственный материал нашего опыта постоянно складывается в картины непрерывных рядов причинного отношения, повинувшись совершенно чуждым ему требованиям извне приходящей категории, — это остается до конца неясным, и все попытки кантианцев устранить эту неясность едва ли можно признать удовлетворительными. Но в настоящее время нас должна интересовать другая трудность изложенного учения Канта и тот выход, который пытается найти из нее Кант. Если категории являются чем-то во всех отношениях чуждым и внешним по отношению к данным нам в опыте ощущениям, то спрашивается, на каком основании мы вообще определяем наши ощущения через ту или другую категорию. Ответ на этот основной вопрос Кант и думает дать своим учением о схематизме. Как мы уже знаем, посредником между чувственностью и рассудком является продуктивное воображение. Схемы и порождаются продуктивным воображением. Кант думает, что всякое подведение единичного наглядного представления под общее понятие посредствуется схемами. Схема, по определению Канта, есть «общий прием способности воображения, доставляющий понятию образ»⁷. Поясню эту мысль тем примером, который приводит Кант. Когда требуется подвести под родовое понятие собаки единичное представление какой-нибудь определенной, конкретной собаки, то наше воображение рисует нам колеблющийся, неопределенный образ собаки вообще, могущий отлиться в ту или другую конкретную форму и, стало быть, способный ассимилировать родовому понятию данное единичное представление. Этот родовой образ, посредствующий между общим понятием собаки и единичным представлением данной определенной собаки, и есть то, что Кант называет схемой. «Понятие собаки», говорит Кант, «обозначает правило, согласно которому моя способность воображения может нарисовать форму четвероногого животного в общем виде, не ограничиваясь каким-либо единичным частным образом из сферы моего опыта или вообще каким бы то ни было возможным конкретным образом» [1, с. 120 — В 180].

«Этот схематизм нашего рассудка, продолжает Кант, в отношении явлений и чистой формы их есть сокровенное в недрах человеческой души искусство, настоящие приемы которого нам едва ли когда-либо удастся

⁷ Ср.: «Это представление об общем приеме способности воображения, доставляющем понятию образ, я называю схемой понятия» [1, с. 120 — В 179—180].

проследить и вывести наружу. Мы можем только сказать, что образ есть продукт эмпирической способности продуктивной силы воображения, а схема чувственного понятия (как фигуры в пространстве) есть продукт и как бы монограмма чистой способности воображения a priori; благодаря схеме и сообразно ей впервые становятся возможными и самые образы, но сочетаться с понятиями они всегда должны только при посредстве обозначаемых ими схем, и сами по себе они не совпадают вполне с понятиями» [1, с. 120 — В 180—181]. Однако в отношении к категориям рассматриваемая нами проблема представляет специфические трудности. Родовые понятия как-никак являются продуктом сочетания категорий с данными чувственного опыта. Категории же, по Канту, «чисты» и не имеют себе никакого соответствия в чувственном опыте. Как возможно подведение ощущений под категории? Кант полагает, что роль схем по отношению к категориям играют те формы распорядка, которые устанавливаются между ощущениями внесением в них чистого наглядного представления времени. Элементы бытия явлений во времени — вот схемы категорий, делающие применимыми к ощущениям чистые понятия рассудка. Так, присоединяемые друг к другу нашим продуктивным воображением последовательные моменты времени дают понятие числа как схемы категории количества; бытие ощущений в определенный момент времени или незаполненность известного промежутка времени теми или другими ощущениями дают нашему уму схему для применения категорий качества; устойчивость и смена во времени являются схемами для категорий субстанции и принадлежности (accidens); подчиненная правилу последовательность в смысле данных чувственного опыта есть схема причинности; «сосуществование определенных одной субстанции с определениями другой субстанции по общему правилу» [1, с. 122 — В 184] дает схему взаимодействия; наконец, согласие с условиями существования во времени, существование в определенное время и существование во всякое время являются схемами для категорий модальности, для понятий возможности, действительности и необходимости.

Итак, определения времени — схемы чистых рассудочных понятий — делают последние, по убеждению Канта, применимыми к данным нашего чувственного опыта [1, с. 122 — В 184—185]. Схемы ограничивают сферу применимости категорий, так как вне чувственного опыта категории, по убеждению Канта, ни к чему не приложимы. Но, ограничивая область, в которой категории имеют значение, схемы дают категориям определенное содержание. Без схем категории, по выражению Канта, «пусты», в них нельзя показать никакого содержания для нашей мысли.

Я уже указывал, что основной особенностью теории познания Канта является защищаемый им резкий дуализм двух факторов нашего познания, чувственности и рассудка. Кант стремится понять всякую интуицию как интуицию чувственную. Поэтому он совершенно отрывает от того, что мы получаем в опыте, те идеальные представления, благодаря которым нам становятся понятными опытные данные. Но удалось ли Канту провести до конца свое намерение? Оторвав категории от конкретной интуиции, Кант опустошил их. Недаром он сам называет их «пустыми». Содержательность категории получают только от схем. Но при таком решении вопроса кантовской философии грозила большая опасность. В самом деле, Кант не поставил себе вопроса: какое различие между категориями и схемами? Что это различие трудно указать, — с этим согласится всякий непредубежден-

ный исследователь философии Канта. Можно пойти дальше и утверждать, что Кант не только не показал этого различия, но что различия между категориями и схемами совсем нет в его философии. Н.О. Лосский совершенно верно отмечает, что Кант часто смешивает определения схемы с определениями категорий⁸. Особенно ясной эта невозможность для Канта отличить категории от схем становится в следующем за отделом, посвященном учению о схематизации, отделе «Критики чистого разума», в учении об «основоположениях чистого рассудка».

Под основоположениями чистого рассудка Кант понимает те суждения, в которых раскрывается содержание чистых рассудочных понятий, или категорий. Невозможность для Канта указать отчетливое различие в логическом содержании того, что он называет схемами, и того, что он рассматривает как категории, здесь, как сказано, особенно наглядна. Остановимся на двух примерах. «При всякой смене явлений субстанция остается, и количество ее в природе не увеличивается и не уменьшается» [1, с. 140 — В 225]... Если мы обратимся к доказательству этого положения, то увидим, что субстанция характеризуется Кантом как «субстрат, который представляет собою *время вообще* и в котором усматривается всякая смена или одновременное бытие через отношение к нему явлений»⁹... То есть, иными словами, субстанция есть чисто формальное понятие, в котором мыслится коррелят тому, что в течение чистого времени есть постоянного или, вернее, однообразного. Но постоянное во времени есть схема понятия субстанции. Легко заметить, что та формальная фикция, которую Кант характеризует как понятие субстанции, ровно ничего не прибавляет к тому, что рассматривается Кантом как схема этого понятия. Если мы обратимся к доказательству основоположения причинности, то узнаем, что оно устанавливает в качестве закона причинного отношения единообразие, которое господствует в последовательности явлений. Различие между категорией причинности и ее схемой в этом случае еще труднее уловить, чем в случае с категорией субстанции.

Известно, что представители эмпирической философии пытались отрицать во всём нами познаваемом наличность каких бы то ни было умопостигаемых идеальных связей и определений. В этом смысле представители эмпирической философии были продолжателями дела средневековых номиналистов. Кант противопоставил номинализму эмпирической философии своеобразный концептуализм. Но вместе с тем Кант сходил с представителями эмпирической философии в отрицании во всём, данном нашей мысли в качестве познавательного объекта, каких бы то ни было идеальных определений. Кант рассматривал эти определения как целиком привносимые нашей мыслью. Но, становясь на такую точку зрения, Кант, как я указывал, опустошил, лишил содержания все идеальные представления нашего ума, и в результате «формалистический концептуализм» Канта

⁸ Ср.: «...кантовские временные схемы дают опыту такую структуру, что становится непонятным, зачем к ним присоединяются еще категориальные синтезы ... близость схем к синтезам доходит до того, что сам Кант сбивается в оценке их отношений друг к другу» [3, с. 212].

⁹ Неточная цитата. Ср.: «...в предметах восприятия, то есть в явлениях, должен быть представляющий время вообще субстрат, в котором могут быть восприняты всякая смена или сосуществование посредством отношения явлений к нему в ашпрегензии» [1, с. 141 — В 225].

мало чем отличается от номинализма представителей эмпирической философии. Упорно отрицая значение в нашем знании интеллектуального созерцания — созерцания, которому даны идеальные связи и отношения так же, как даны созерцанию чувственному ощущения, — Кант обрек свою философию на те же трудности и противоречия, которые лежат в основе эмпирической философии. Вернемся теперь к вопросу, поставленному в самом начале лекции. Находим ли мы в «Критике чистого разума» психологию и метафизику? Внимательное отношение к учению о схематизме едва ли позволит ответить на этот вопрос отрицательно. В самом деле, не оказывается ли центральным не только в этом отделе, но и во всей «Критике чистого разума» учение о продуктивном воображении, сила которого порождает схемы и которое рассматривается Кантом как «сокровенное в недрах человеческой души искусство, настоящие приемы которого нам едва ли удастся проследить и вывести наружу» [1, с. 120 — В 181]. Психологический характер этого учения не может подлежать сомнению.

Только поняв философию Канта так, как она явилась исторически, можно оценить огромные ее заслуги, а также и те ее коренные недостатки, которые, не умаляя достоинств, отдают тем не менее эту философию (нераздельно) во власть прошлого.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. Пг., 1915.
2. Лопатин Л.М. Настоящее и будущее философии // Философские характеристики и речи. М., 1995. С. 81 — 106.
3. Лосский Н.О. Введение в философию. Ч. 1 : Введение в теорию знания. СПб., 1911.
4. Сеземан В.Э. Теоретическая философия Марбургской школы (с послесловием В.И. Повилайтиса) // Кантовский сборник. 2010. 4 (34). С. 60 — 79.
5. Cohen H. Rede bei der Gedenkfeier der Universität Marburg zur hundertsten Wiederkehr des Todestages von Immanuel Kant gehalten am 14. Februar 1904. Marburg, 1904.

*Подготовка к публикации и комментарии Е. А. Бутиной**

О публикаторе

Бутина Елена Александровна — аспирант кафедры философии факультета социологии, экономики и права Московского педагогического государственного университета, writing85@mail.ru

About publisher

Elena A. Butina, PhD student, Chair of Philosophy, Department of Sociology, Economy and Law, Moscow State Pedagogical University, writing85@mail.ru

* Публикация выполнена в рамках проекта *Н.А. Дмитриевой* «Феномен русского неокантианства в контексте русской и европейской философии конца XIX — первой половины XX века», осуществляемого на средства гранта Президента Российской Федерации по поддержке научных исследований молодых российских ученых — докторов наук (МД-4045.2011.6).